

УДК 94(470.67)

**ПЕРВЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII- 20-Е ГГ. XIX В.**

Д.С. Кидирниязов,
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

daniyal2006@rambler.ru

Аннотация: В статье подробно рассматриваются первые административные реформы российского правительства в регионе изучаемого периода. Уделено большое внимание деятельности российской администрации по расширению и строительству городов, ставших не только военно-административными, но и культурными центрами в крае; открытию школ для детей из местных народов, где обучали русской грамоте; созданию единого муфтията для всех мусульманских народов страны, в том числе и северокавказских; созданию возможности для отправки детей северокавказских владетелей на учебу в ведущие вузы страны; проведению в регионе политики по распространению православия среди местного населения; учреждению Кавказского наместничества, куда вошли Кавказская и Астраханская губернии; ускоренному заселению Северного Кавказа выходцами из внутренних губерний России и Новороссии; установлению гражданского управления (приставства); учреждению Временного суда (Кабарда) и Верхнего пограничного суда в Моздоке и др.

Abstract: The article covers the first administrative reforms of the Russian government in the region within the period under study. Much attention is given to the activity of the Russian administration on the expansion and construction of the Russian towns, which have become not only military and administrative centers of the region, but also cultural ones; on foundation of schools for the children of the local people where they were taught reading and writing in Russian; on the formation of uniform muftiyat for all Muslim people of the country, including those in the North Caucasus; on giving the North Caucasian rulers the opportunity to send their children to the leading higher education institutions; on pursuing the policy of Orthodoxy planting among the local population of the region; on establishment of the Caucasian vicegerency which included the Caucasian and Astrakhan provinces; on the accelerated settling of the North Caucasus by the natives of internal provinces of Russia and Novorossiia; on establishment of civil management (pristavstvo); on establishment of Temporal court (Kabarda) and the Upper frontier court in Mozdok, etc.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, юрисдикция, власть, заложники, школа, пристав, суд, управление, православие, миссионеры.

Keywords: Russia, North Caucasus, jurisdiction, power, hostages, school, police officer, court, management, Orthodoxy, missionaries.

Как известно, официальные основания для распространения юрисдикции Российской империи на Северный Кавказ появляются в конце XVIII в. после Кючук-Кайнарджийского (1774 г.) и Ясского (1791 г.) российско-турецких договоров.

После окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и подписания Кючук-Кайнарджийского мирного трактата начинается постепенное вовлечение Северного Кавказа в сферу административного влияния Российского государства, а реальная российская власть в регион стала приходить только в XIX в.

Следует отметить, что широкая градостроительная деятельность положила начало российской колонизации в регионе. Российское правительство начало с укрепления и расширения старых и возведения новых крепостей Моздокско-Азовской линии (Кизляр, Моздок, Екатериноград, Ставрополь и др.). Эти военно-административные центры Российского государства на Северном

Кавказе затем стали опорными пунктами Кавказской укрепленной линии, в которых размещались административный и судебный аппараты, склады военных и продовольственных запасов. Комендантам городов-крепостей вменялось в обязанность собирать сведения о соседних местных народах.

Как известно, в XVIII в. российские власти пытались применить в регионе аманатство (аманат – араб., «заложник»). Заложниками в основном становились представители местной знати, и они регулярно обменивались на новых. Так, в Кизляре для заложников был выстроен специальный «двор» (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. 1. С. 157, 268). Необходимо отметить, что аманаты были призваны служить средством распространения российского влияния в крае.

В январе 1786 г. ген.-поручик П.С. Потемкин в рапорте князю Г.А. Потемкину представил «Положение» об аманатах. С этой целью императорскими указами предписывалось обучать аманатов грамоте, «стараться искусным образом отвадить от варварских нравов, вселять модность и лучшее обхождение, и для того доводить их к частому обращению с русскими» (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. 1. С. 157, 268).

Следует указать, что российские города-крепости для народов Северного Кавказа имели важное значение не только как политические и экономические, но и как культурные центры края. В Кизляре возникли первые русские школы для местных народов. Так, при Кизлярском монастыре и Осетинской комиссии существовала особая школа для аманатов, детей из влиятельных северокавказских семей. В 1763 г. был издан царский указ, предписывающий содержащихся в Кизляре аманатов обучать русской грамоте. В 1775 г. астраханский губернатор П. Кречетов предложил открыть школу, куда дети могли приезжать на учебу со своими воспитателями. По его мнению, со временем, возможно, было бы вообще отказаться от практики аманатства (*Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю.*, 2006. С. 131). Согласно документальным данным 70-х гг. XVIII в., в числе аманатов здесь были ногаец К. Тоганов, кумык Д. Хасаев, кабардинец Ш-Г. Куденетов и др., которые «в Кизлярских школах обучались и знали русской грамоте читать и писать» (*Кидирниязов Д.С.*, 2013. С. 77).

В ходе обсуждения проекта ген.-поручика П.С. Потемкина об образовании Кавказской губернии затрагивался также вопрос о строительстве в г. Екатеринограде соборной церкви, а при ней – народной школы. Обучаться в ней должны были также и аманаты от северокавказских народов. Училище было открыто в 1788 г., однако оно просуществовало недолго (*Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю.*, 2006. С. 129–130). С перенесением губернского центра в г. Георгиевск учебное заведение в Екатеринограде было закрыто.

Со временем этот вопрос не раз поднимался кавказской администрацией. Ген. П.Д. Цицианов предлагал открыть в Екатеринограде и Георгиевске школы для обучения там русскому языку детей местных владетелей для дальнейшего их перевода в кадетские корпуса (АКАК. Тифлис, 1866. Т. 2. С. 953). Так, по приказу командующего российскими войсками на Кавказской линии аманаты от осетинских обществ, находившиеся в Георгиевске, должны были обучаться русской грамоте (*Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю.*, 2006. С. 130).

В конце 1828 г. кабардинский просветитель Ш. Ногмов обратился к ген. Г.Г. Эмануэлю с просьбой разрешить ему обучать адыгских, осетинских и балкарских детей турецкой и русской грамоте (*Кидирниязов Д.С.*, 2013. С. 77). Аманатская школа в Кабарде была открыта в кр. Нальчик в начале февраля 1829 г. (ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 728. Л. 63).

С конца XVIII в. российские власти приступили к созданию в стране мусульманских религиозных учреждений и форм организаций их служителей. Законодательными актами было начато формирование органов управления мусульманами Российской империи (ПСЗ. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 22. С. 1107, Т. 23. С. 20–21, 452–454). Так, именным указом Екатерины II от 22 сентября 1788 г., данным Сенату по религиозным вопросам, мусульманские народы Российской империи, в том числе Северного Кавказа, были переданы Оренбургскому муфтияту. Таким образом, был определен юридический статус мусульманства в России, и верующие страны получили религиозную автономию в лице Магометанского Духовного Собрания в Оренбурге (*Кидирниязов Д.С.*, 2013. С.78).

Необходимо отметить, что кавказская администрация в регионе, понимая роль ислама в жизни местного населения, использовала это обстоятельство на общее благо. Так, в Кизляре дети знатных мусульман-горожан обучались в школах-медресе при мечетях. В 20-х гг. XIX в. здесь существовало 5 школ для ногайцев, преподавателями которых были священнослужители (*Гриценко Н.П.*, 1984. С. 105).

Для ускорения процесса подготовки верных правительству кадров из представителей местных народов российскими властями принимается решение отправлять их на учебу в Московский университет. Учреждались и особые «кавказские» стипендии для содержания учащейся молодежи, в которой видели будущих просветителей и проводников русской культуры среди местного населения (*Гарунова Н.Н.*, 2008. С. 239).

Следует отметить, что сложная ситуация на Северном Кавказе мешала Министерству народного просвещения всецело заниматься устройством школ для местных народов, и оно, в основном, переключивало основные заботы и тяготы на плечи кавказской администрации.

Однако необходимо указать, что все эти меры российского правительства были эпизодическими и не могли организовать целенаправленной и последовательной политики в сфере просвещения, хотя в этой области были достигнуты определенные успехи.

В целом российские власти преследовали прагматическую цель приобщения местных народов к порядкам империи.

В 1763 г. была заложена крепость Моздок. 9 октября 1762 г., ещё до возникновения Моздокской крепости, был составлен доклад Сената на имя императрицы Екатерины II об отведении урочища Моздок для поселения здесь крестившихся представителей северокавказских народов (*Кидирниязов Д.С.*, 2010. С.47–48). В целях быстрого заселения региона и увеличения численности не только русских переселенцев в лице христиан из местных новокрещенцев в докладе Сената на имя Екатерины II предусматривались меры материального, т.е. денежного вознаграждения (КРО, 1957. Т. 2. С. 220). Важно отметить, что переселенческое движение среди местных народов по своим размерам и темпам не отвечало запросам российских властей. В связи с этим, в конце XVIII в. из Украины (Киевской губернии) в регион было переселено большое количество безземельных крестьян (ПСЗ. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 22. С. 675. № 16428). Однако необходимо указать, что переселенчество среди кабардинских и осетинских (дигорских) холопов имело несомненный успех. Отметим, почему основной контингент местных переселенцев в Моздок состоял преимущественно из холопов и зависимых сословий. Дело в том, что на северокавказский регион был распространен правительственный указ 1743 г. для мусульманского населения Поволжья, Нижегородской и Воронежской губерний, в котором говорилось, что «новокрещенным из магометанского закона за восприятие святого крещения из холопства и крестьянства от помещиков иноверных быть свободным вечно, и тем прежним помещикам и мурзам до владения их новокрещенных никакого дела не иметь, а по крещении переводить их и селить свободно с прочими и новокрещенными, – разве что оные помещики сами по желанию своему воспримут св. крещение, и тогда оные им не отданы будут во владение по-прежнему» (Цит. по: История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева, 2006. С. 101).

Говоря о воздействии России на северокавказский регион, нельзя не обратить внимание и на такой вопрос, как распространение христианства в крае.

Согласно правительственному указу 1743 г., местные владетели для сохранения своих прав на холопов должны были принять христианство и перейти в подданство России. Таким образом, российское правительство и в отношении северокавказских привилегированных сословий, лишавшихся с уходом их холопов своей экономической базы, указом 1743 г. ограждало свои колониальные цели. Многочисленные факты показывают, что в результате этой политики России угнетенные социальные слои Осетии и Кабарды с целью освобождения себя от гнета своих владетелей принимали христианство и переселялись в район Моздока (*Кидирниязов Д.С.*, 2013. С.82).

В распространении православия среди народов региона немалую роль сыграла Осетинская духовная комиссия, учрежденная в 1745 г. в Кизляре (*Гарунова Н.Н., Чекулаев-Братчиков Н.Д.*, 2011. С. 282).

Следует отметить, что у истоков православного миссионерства в регионе стояли иерархи Грузинской православной церкви (Северный Кавказ в составе Российской империи. 2007. С. 86).

Необходимо указать, что грузинские духовные лица состояли во главе комиссии до 1771 г., а позднее руководство было передано русским миссионерам. Первым русским миссионером в Осетинской комиссии был назначен протопоп Тверской епархии Афанасий Лебедев (ПСЗ. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 24. № 17958. С. 606). С 1771 по 1791 год был крещен 4271 представитель местных народов. Всего в 1745–1792 гг. миссионерской комиссией было обращено в христианство осетин, ингушей и кабардинцев 8199 человек (*Каменский*, 1887. С. 142).

После упразднения Осетинской комиссии и учреждения вместо нее весной 1793 г. Моздокско-Маджарской епархии, к которой перешли функции Осетинской миссионерской комиссии,

христианизация местного населения осуществлялась интенсивнее. В первой четверти XIX в. число новокрещеных северокавказцев (осетин, ингушей и кабардинцев) достигло 62249 человек (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. 1. С. 439).

Следует отметить, что новокрещенные из числа местных народов получали ценные подарки и денежные вознаграждения, а также имели некоторые экономические льготы. Так, местным старшинам, принявшим крещение в Моздоке и Кизляре, российские власти выдавали из казны по 10 руб., а крестьянам – кормовые деньги (*Кидирнязов Д.С.*, 2013. С.85–86).

С учреждением в 1793 г. Моздокско-Маджарской викарной епархии, с центром в г. Моздоке, на смену упраздненной Осетинской духовной комиссии, христианизация местного населения начала осуществляться интенсивнее. Возглавил епархию епископ Г. Бараташвили (Город Моздок. 1995. С. 51–52). Под ее управление переходил и Крестовоздвиженский монастырь в Кизляре. В епархии имелась своя Духовная консистория. Епископ Гайй имел право строить церкви для северокавказских народов, пожелавших принять православие (Северный Кавказ в составе Российской империи, 2007. С. 88).

Таким образом, Моздок становился одним из центров православия в регионе. Здесь действовали 3 православные и 2 армянские церкви (Северный Кавказ, 2010. С. 257). Всего же в Моздокско-Маджарской епархии было 75 церквей, 53 приходских дома, 20 молитвенных домов. Но, несмотря на достигнутые этой епархией успехи, Святейший Синод в 1799 г. упразднил её. С начала XIX в. вновь усилилось православное миссионерство на Северном Кавказе. В Петербурге было открыто Православное миссионерское общество. В 1806 г. в районе Пятигорья, в ногайском селе Каррас, шотландские миссионеры издали на тюркском языке книгу о преимуществе христианской религии перед исламской (*Курмансеитова А.Х.*, 2009. С.100). К миссионерству в регионе подключилось также Русское Библейское общество. Его отделение в крае было открыто в Георгиевске в 1818 г. (Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 90). В 1810 г. на ногайском языке шотландские миссионеры в Астрахани издали «Святое Евангелие» арабским шрифтом (Северный Кавказ в составе Российской империи, 2007. С. 90) В 1824 г. экзарх Грузии Феофилакт Русанов издал Евангелие на осетинском языке (Северный Кавказ в составе Российской империи, 2007. С. 90). В целом деятельность христианских миссионеров на Северном Кавказе не дала результатов.

Отметим, что первые военно-административные центры Российской империи на Северном Кавказе позже стали ключевыми пунктами Кавказской укрепленной линии. Кавказская, или Моздокско-Азовская, линия – система военных укреплений и поселений, протянувшихся от Екатеринодара до Азова, - была построена в 1777–1782 гг. Наряду с возникновением форпостов вдоль неё насаждались казачьи станицы, которые могли рекрутировать свежие силы в казачьи полки – для охраны и обороны южных рубежей России. Первым шагом на этом пути стал перевод с упраздненной Царицынской линии Волжского казачьего полка (*Помто В.А.*, 1912. Т. 2. С. 147). Со строительством укрепленной линии у Петербурга появилась прямая заинтересованность в колонизации региона русским населением.

Укрепление позиций Российской империи в Предкавказье повлекло за собой появление 9 мая 1785 г. указа Екатерины II об учреждении Кавказского наместничества. В его состав были включены Астраханская и Кавказская губернии. Административным центром стал Екатериноград, а функции наместника возлагались на командующего Кавказской линией П.С. Потемкина. Наместник получил широкие полномочия, подчиняясь непосредственно Екатерине II (История Востока, 2004. Т. 4. Кн. 1. С. 149).

Россия, продолжая политику укрепления своих позиций на Северном Кавказе, приступает к строительству новых крепостей и усилению уже существующих казачьих городков. На Кубани, Терек, Сунже возникает ряд казачьих поселений.

Со строительством Моздока Терская пограничная линия с редутами достигла ст. Червленной, составив в длину около 200 верст, к западу от устья р. Терек (*Кидирнязов Д.С.*, 2003. С. 157). С целью укрепления Моздокско-Кизлярской линии российское правительство переселило в регион волжских (517 семей) и донских (250 семей) казаков (История Дагестана, 2004. Т. 1. С. 478).

Во второй половине XVIII в. численность русского населения левобережья Терека трудно определить. Но есть данные последней четверти XVIII в. Так, в 1774 г. в Гребенском войске было 1016 казаков, а в Терско-Семейном – 517 человек. (*Попко И.Д.*, 1880. Вып.1. С. 124–125) В 1775 г. астраханский губернатор, касаясь состояния «Кизлярского края», указывал малочисленность русского и украинского населения региона. Он отмечал, что численность служилого казачества низовий Терека составляет 1809 человек (*Помто В.А.*, 1912. Т. 2. С. 125).

В пяти станицах Гребенского войска в начале XIX в. насчитывалось 3554 человека, в Терско-Семейном войске – 2357 и в Терско-Кизлярском, состоявшем тогда из одной станицы, – 519 человек. Таким образом, в трех казачьих войсках насчитывалось служивых казаков 6430 человек (*Васильев Д.С.*, 1986. С. 114).

Кроме того, с конца XVIII в. началось быстрое заселение присоединенных земель Северного Кавказа выходцами из центральных губерний России и Украины (Полтавской, Черниговской и Харьковской губерний). Увеличилось число казачьих станиц на берегах рек Терек и Сунжа (*История Востока*, 2004. Т. 4. Кн. 1. С. 148).

В 1794 г. на Кубани запорожскими казаками было основано 40 куреней, в которых проживало 17 тыс. человек. Для укрепления границы была создана кордонная линия, включавшая в себя около 60 постов и батарей до 100 пикетов (*История Кубани*, 2005. С.118). В 1794 г. на этой линии было основано 6 станиц: Темнолесская, Воровсколеская, Кавказская, Прочноокопская, Григориполисская и Темижбековская, которые были заселены донскими казаками. В административном плане Черноморья, согласно указу Екатерины II – «Учреждение об управлении губерний» от 30 июля 1792 г., была разделена на 5 округов. Управление в них осуществляли окружные правления, наделенные полицейскими полномочиями (*История Кубани*, 2005. С. 119).

В конце XVIII в., в 1796 г., Черноморья вошла в состав Ростовского уезда Новороссийской губернии. С 1802 г. по военной части Черноморское казачье войско подчинялось Военной коллегии, а по гражданской – Сенату (*История Кубани*, 2005. С. 119).

В 1820 г. Черноморское казачье войско было отдано в подчинение командующего Кавказским корпусом А.П. Ермолова, и вся территория от Азовского моря до земли Войска Донского была включена в Кавказскую губернию (*Ермолов А.П.*, 1868. Т. 2. С. 127).

Кроме того, в 20-е гг. XIX в. командующий Кавказским корпусом ген. А.П. Ермолов принял решение образовать новую линию между Моздоком и станицами Волжского полка, названного Горским казачьим полком. После создания этого полка кордонная линия была выдвинута в глубь Северного Кавказа к предгорным районам на р. Сунжа. В этот же период началось переселение сюда ряда станиц. За 1825–1827 гг. здесь было основано 11 станиц (*Заседателева Л.Б.*, 1974. С. 147).

Строительство Кавказской и Усть-Лабинской крепостей и перенесение Кавказской линии к югу, на территорию Кабарды, вызвали всплеск недовольства адыгских владетелей. Местные князья не желали допустить расширения российской кордонной линии и появления новых укрепленных пунктов в Кабарде. Часть адыгских князей вместе с зависимыми крестьянами переселилась в Закубанье, в верховья р. Кумы. Там зрели сепаратистские настроения, готовилось нападение на крепость Моздок (АКАК, 1866. Т. 1. С. 82). Как известно, взаимоотношения с кабардинцами начали осложняться с 20 августа 1766 г., когда был издан именной указ, в котором население Кабарды объявлялось «посемейным войском» (ПСЗ, 1830. Собр. 1. Т. 22. № 15432) Командующий на Кавказе учредил здесь должность главного пристава «для наблюдения за кабардинскими князьями» (АКАК, 1866. Т. 1. С. 82). Так, например, с 1770 по 1781 гг. главным приставом кабардинцев был внук знатного ногайского мурзы Мусы г.-м. Д.В. Тоганов, получивший воспитание и образование в Санкт-Петербурге и принявший там христианство (РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д.13. Ч. 1. 1781 г. Л. 40).

В начале XIX в. значительную территорию Южного Дагестана занимало Кюринско-Казикумухское ханство. В 1812 г. кавказская администрация образовала Кюринское ханство во главе с правителем Аслан-ханом. В 1820 г. Кюринское ханство вновь было объединено с Казикумухским под управлением Аслан-хана (*Кидирниязов Д.С.*, 2011. С. 100–101).

В Дагестане было 80 союзов сельских общин. Однако в начале XIX в. союз сельских общин Каба-Дарго присоединился к Акуша-Дарго. В 1819 г. А.П. Ермолов назначил главным акушинским кадием Зуху-кади (*Кидирниязов Д.С.*, 2011. С. 106).

Следует отметить, что А.П. Ермолов в 1818 г. за вооруженное выступление правителя ликвидировал Мехтулинское ханство, передав его в управление тарковскому шамхалу, но уже в начале 1820 г. командующий Кавказским корпусом восстановил ханство (*История*, 1988. С.114).

На рубеже XVIII – нач. XIX вв. Чечня и Ингушетия не имели единого административно-политического устройства. Вся территория вайнахов состояла из ряда более или менее феодальных владений и союзов сельских общин (*Ахмадов Ш.Б.*, 2002. С.210,214).

Необходимо отметить, что с конца XVIII в. российскими властями контроль над плоскостной Чечней был поручен кордонным командирам. В начале XIX в. решено было создать здесь систему приставского управления.

Следует подчеркнуть, что в 1800 г. северокавказские народы, населявшие Астраханскую губернию, и «залинейные» жители, с 1796 г. находившиеся под управлением командующего Кавказской линией и астраханского военного губернатора К.Р. Кнорринга, были переданы в подчинение назначенного главного пристава коллежского советника К.С. Макарова (АКАК, 1866. Т. 1. С. 730).

В функции главного пристава входило посредничество между местными народами и российскими властями. В его обязанности вменялось регулирование отношений народов региона с кавказской администрацией, разбор спорных дел и т.д. (АКАК, 1866. Т. 1. С. 737).

В июле 1807 г. в Чечне делается попытка установления на Кавказе российской административной власти. Главнокомандующий на Кавказе ген. И.В. Гудович предписал главному приставу калмыцкого народа Н.С. Ахвердову принять в «управление» присягнувшие вайнахские селения Большой Чечен, Алдинское, Шали, Шагдин, Большой и Малый Атаги, Керменчук, Чахкери, Гехи и др. (АКАК, 1873. Т. 3. С. 669). В конце того же года под управление Н.С. Ахвердова были переданы и те чеченские села, которые приняли российское подданство в октябре 1807 г. (История Чечни, 2008. Т. 1. С. 453.).

Главнокомандующий на Кавказе ген. И.В. Гудович представил своё видение структуры российской административной власти в Чечне в рапорте от 27 октября того же года министру иностранных дел России Н.П. Румянцеву. Согласно этому документу, российская администрация в регионе стремилась к установлению строгого контроля над вайнахскими селами. Основными представителями российской администрации здесь должны были стать старшины, наделенные правами частных приставов. Кроме того, они обязаны были стать связующим звеном, посредниками, между высшими представителями российских властей и местным населением. Главный пристав через старшин-приставов должен был доводить до жителей Чечни требования кавказской администрации (История Чечни, 2008. Т. 1. С. 453–454.). Следует отметить, что частным приставом в Малые Атаги, Баян-Ули, Мартан и Озик-юрт был назначен пророссийски настроенный аксаевский князь Хасай-Муса, а в села «Гехи, Шали, Рошин, Амит-юрт и Иннетех» – кабардинский владетель Бамат Девлет-Гиреев (АКАК, 1873. Т. 3. С. 675). На частных приставов возлагались, прежде всего, обязанности недопущения нападений чеченцев на Кавказскую линию (АКАК. Т. 3. С. 669). Но частные приставы-старшины, хотя нередко получали от российских властей чины и жалования, не смогли предотвратить атаки на укрепления. К началу 1809 г. выявилась нецелесообразность введения института приставства в плоскостной части Чечни (Очерки, 2010. С. 153–154).

Весной 1811 г. по просьбе главного калмыцкого пристава Халчинского правительство рассмотрело вопрос об освобождении его от управления вайнахами и кумыками. Управление над последними было передано кордонным начальникам. А в марте того же года российское правительство упраздняет эту структуру в Чечне (АКАК, 1875. Т. 5. С. 874).

Весной 1826 г. А.П. Ермолов обнаружил «чеченскому народу» правила, в которых были определены права и обязанности «народа чеченского» и кавказской администрации (История, 1988. С. 114–115). В частности, в документе отменялся принцип общей ответственности за проступки или преступления отдельных лиц. «За учиненное воровство не брать под арест людей, не участвовавших в том, только потому, что они того же селения, как и сделавшие кражу». А за убийство русского подданного – «схватывать если не самого убийцу, ... то ближайших родственников» (История Чечни, 2008. Т. 1. С. 527).

Абазинами до начала XIX в. управляли свои владетели, которые подчинялись начальнику Кавказской кордонной линии.

Необходимо отметить, что в начале XIX в. Петербург впервые попытался установить в регионе гражданское управление. В мае 1802 г. над кумскими абазинами (тапанта) и ногайцами, проживавшими в районе Пятигорья, был поставлен главным приставом коллежский советник Макаров, непосредственно подчиняющийся Коллегии иностранных дел. На практике власть главного пристава в реальности была только номинальной. Они не пользовались влиянием среди местных владетелей. Кроме того, главные приставы, не имея воинских сил для предотвращения междусобиц, часто обращались за помощью к военному командованию в регионе. Поэтому в 1804 г. новый пристав снова был подчинен командующему Кавказской кордонной линии (АКАК, 1868. Т. 2. С. 986).

Следует отметить, что главнокомандующий российской армии на Кавказе П.Д. Цицианов в рапорте императору Александру I от 23 марта 1804 г. предлагал преобразовать должность пристава в Кабарде на должность начальника. Он также просил заменить название «Кабардинский

народ» на «Кабардинскую область». На взгляд главнокомандующего, наименование «Кабардинский народ» «напоминает им (адыгам – Авт.), что оный есть как будто отдельное тело от Российской империи» (АКАК, 1868. Т. 2. С. 953). Кроме того, он предлагал заменить гражданского чиновника военным в качестве представителя российских властей в крае.

В 1807 г. у абазин–тапанта учреждается религиозный суд (Очерки истории российского Северного Кавказа., 2010. С. 159). Что интересно, когда в 1809 г. адыгский владетель А. Атажукин пытался взыскать подать с кумских абазин, проживавших на территории Кавказской губернии, российская администрация заявила ему, что кабардинские князья «не имеют никакой власти» над ними (Очерки, 2010. С. 159).

Прокламацией от 29 августа 1822 г. кавказская администрация учредила в Кабарде Временный суд, состоявший из трех удельных князей и трех младших князей, двух старшин из дворян, одного из вольных земледельцев, секретаря и глашатая. В суде при решении религиозных дел присутствовал кадий (История многовекового содружества, 2007. С. 154).

К Прокламации о введении новой формы судопроизводства для Кабарды было включено приложение, насчитывающее 27 параграфов. Оно должно было стать «наставлением Временному суду, учрежденному в Кабарде для разбора дел между кабардинцами, впредь до издания особых правил» (АКАК, 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 471–472).

На Временный суд также были возложены и полицейские обязанности, не свойственные судебным органам. Так, Временный суд «должен был собирать сведения о народных повинностях и выдавать увольнительные билеты лицам, едущим внутри линии. Билеты едущим за Кубань и в горы выдавались начальником в Кабарде, а отбывающим в дальние места, в Россию – начальником Линии» (Кудашев В.Н., 1913. С. 107). Как видим, свободный проезд адыгов за пределами Кабарды без билетов запрещался.

Должность старшего князя Кабарды упраздняясь. Почти все члены суда имели российские воинские звания (История многовекового содружества, 2007. С. 163).

Таким образом, Временный суд исполнял и административные функции. По существу он превратился в важнейший орган внутреннего управления Кабарды (История, 1988. С.115–116).

В конце XVIII – начале XIX в. система управления ногайцами менялась несколько раз. Так, в 1793 г. российским правительством территория, населенная ногайцами на Северном Кавказе, была разделена на три приставства. В самом начале XIX в. управление ногайцами было в ведении Кавказского генерал-губернатора. Несколько позже, с 1802 г., этим занималась Государственная коллегия иностранных дел. Непосредственное управление ногайцами, согласно инструкции, утвержденной 28 мая 1802 г., возлагалось на главного пристава и трех частных приставов (ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 167. Л. 65–70).

В 1803 г. главным ногайским приставом был назначен ногайский князь, ген.-м. Султан Менгли-Гирей, которого, по представлению главнокомандующего российскими войсками в Грузии П.Д. Цицианова, утвердил в этой должности император Александр I (АКАК, 1868. Т. 2. С. 986, 994).

В 1822 г. российским правительством территория, населенная ногайцами Северного Кавказа, была разделена на четыре приставства. Во главе приставства стоял частный пристав, назначаемый правительством. Частные приставы подчинялись главному приставу, который находился в г. Ставрополе (АКАК, 1868. Т. 2. С. 994). В том же году «проконсул Кавказа» А.П. Ермолов подписал «Наказ для управления ногайцев» (ГАСК. Ф. 249. Д.167. Л. 8–12). «Наказ» был утвержден как «Устав для управления ногайцев» (АКАК, 1896. Т. 7. С. 933).

Что касается введения института приставства в Ингушетии и Осетии, то оно имело ряд особенностей. В основном в их ведении находились вопросы, касающиеся внутренней жизни местного населения. Следует указать, что А.П. Ермолов над этим правлением предлагал обязательно поставить военного начальника (АКАК, 1896. Т.7. С. 685).

Необходимо отметить, что до установления в Осетии и Ингушетии приставства надзор за местным населением осуществляли командиры укреплений (редутов) или моздокский комендант (Блиева З.М., 1992. С. 79). В 1816 г. А.П. Ермолов учредил волостное управление в Осетии. Старшины избирались из «уважаемых народом» лиц. По замыслу А.П. Ермолова, во главе Осетии должен был стать «военный начальник», который мог бы побуждать осетин к военной службе. В том же году А.П. Ермолов выдвинул идею о привлечении осетин к военной службе (АКАК, 1875. Т. 6. Ч. 1. С. 685).

В 1818 г. на осетин и ингушей были наложены дорожная и подворная повинности. Жители Осетии и Ингушетии должны были предоставлять войскам подводы для перевозки грузов, они также привлекались к ремонту и строительству дорог (АКАК, 1875. Т. 6. Ч.1. С. 685).

В 1828 г. из числа мурз и узденей адыгов, ногайцев, ингушей, осетин и др. народов сформировался Кавказско-горский взвод для несения конвойной службы при Высочайшем дворе (Алиева С., 2010. С. 185).

Следует отметить, что институт приставства получил распространение и просуществовал в регионе несколько десятилетий, став важным инструментом российской политики для осуществления функций надзора и контроля над местными народами. Необходимо указать, что окончательно военно-приставская система управления в регионе сложилась к 1830–1840 гг. (Блиева З.М., 2005. С. 323).

Важной вехой в становлении российской политики на Кавказе стало открытие в 1793 г. Верхнего пограничного суда в Моздоке – для разбора гражданских дел в соответствии с нормами адата (родового права). Он также предназначался для рассмотрения уголовных дел, став апелляционной инстанцией для кабардинских родовых судов (Бутков П.Г., 1869. Ч. 2. С. 265). В его составе числились 6 владельцев и 6 узденей от Большой и Малой Кабарды, 2 представителя от армян и грузин, живших в Моздоке, и один представитель от ногайских мурз (История Востока, 2004. Т. 4. Кн. 1. С. 149). Когда кабардинские владетели высказали недовольство действиями Верховного пограничного суда, П.Д. Цицианов предложил проект изменения управления кабардинцами на основе принципа невмешательства в их внутренние дела и т.д. Начальникам гарнизонов вменялось в обязанность поддерживать контакт со старшинами. Место пристава занял «управляющий делами Кабарды» ген.-м. И.П. Дельпоццо (История, 1988. С. 116). Родовой суд избирался в составе председателя и семи заседателей, включая кадия (из сословия узденей), и подчинялся Верхнему пограничному суду, который рассматривал уголовные дела. Эта мера подвела юридическую основу под наказания кабардинцев, нападавших на воинские гарнизоны и казачьи станицы. Имея огромную территорию на Северном Кавказе в своих руках, российское правительство решило оформить её присоединение к империи юридическим актом – созданием Кавказского наместничества. 5 мая 1785 г. был дан именной указ Сенату об учреждении Кавказского наместничества (Чекменев С.А., 1956. С. 345), в связи с чем степное Предкавказье было окончательно включено в административную систему Российской империи (Фадеев А.В., 1960. С. 23). Наместничество просуществовало более 10 лет. В декабре 1796 г. кавказское наместничество было преобразовано в Астраханскую губернию, в которую вводилось губернское правление. Общее военно-гражданское управление было возложено на астраханского военного губернатора. Из ведомства командующего Кавказской линией и военного губернатора Астрахани К.Ф. Кнорринга выделялось управление кавказским населением Астраханской губернии и так называемыми «залинейными» жителями, оставшимися за пределами укрепленной линии. Они передавались в подчинение к специально назначенному Коллегией иностранных дел в 1800 г. главному приставу. Он был призван осуществлять взаимодействие между военно-гражданскими властями и местными народами. Однако по требованию К.Ф. Кнорринга, считавшего нецелесообразным двойное подчинение кавказских народов, «залинейные» жители были изъяты из владения главного пристава (Кобахидзе Е.И., 2008. С. 152–153). В ноябре 1802 г. специальный комитет подготовил проект реформ военно-гражданского управления, легший в основу указа Правительствующему Сенату. Согласно реформе, учреждались должности начальника Астраханской и Кавказской губерний, инспектора Кавказской линии и главноуправляющего в Грузии. Из Астраханской губернии выделялась Кавказская с Кизлярским, Моздокским, Ставропольским, Александровским и Георгиевским уездами (Кобахидзе Е.И., 2008. С. 153). Общее управление обеими губерниями было подчинено Военному начальнику Кавказского края в Грузии. Кавказскую губернию возглавил губернатор, подчинявшийся главноуправляющему, а в его отсутствие – Правительствующему Сенату. Административным центром был выбран Георгиевск, получивший статус губернского города (История, 1988. С. 21). Главноуправляющий князь П.Д. Цицианов, сменивший ген. К.Ф. Кнорринга в 1802 г., получил предписание не вмешиваться в дела местных народов и избегать конфликтных ситуаций. Цицианов предложил свою программу политико-административных реформ в регионе. В 1804 г. он представил на рассмотрение Петербурга проект, основная идея которого сводилась к отказу от форсированных действий и к постепенности при внедрении любых нововведений. Чтобы успешно управлять кавказскими народами, по мнению П.Д. Цицианова, следовало руководствоваться местными обычаями и традициями (Гапуров Ш.А., 2004. С. 247–250). Так, в частности, им был разработан план, по которому предполагались меры по привлечению на российскую сторону мусульманского духовенства Кабарды, по подготовке пророссийски настроенных религиозных деятелей на Северном Кавказе (Гордин Я.А., 2000. С. 80–81). Следует отметить, что гражданская власть в

обеих губерниях передавалась гражданским губернаторам. Российские власти понимали, что успешное управление местными народами будет возможно при наименьшей степени вмешательства в их внутренние дела. Чтобы свести к минимуму недовольство местных жителей действиями русских властей в регионе и облегчить прямое управление в интересах Российского государства, в качестве основного принципа политики кавказской администрации провозглашался принцип постепенности. Это означало, что в управлении северокавказскими народами необходимо было сохранить привычные для них нормы самоуправления и судопроизводства, оставить за местной элитой все привилегии. Однако со временем российское правительство закрепило преобладание военного управления над гражданским. Кроме того, усилилась тенденция к централизации власти на Кавказе, что отразилось в последующих административно-правовых документах. Необходимо указать, что гражданским властям был придан военно-бюрократический характер, а административный аппарат превращался, по сути, в военно-полицейскую систему. Контроль за осетинским населением в районе Моздока осуществлял комендант крепости, куда переселилась значительная часть осетин. Власти разрешили им пользоваться «казенными вольностями» (Русско-осетинские отношения в XVIII в., 1976. С. 402). Со временем российские власти стали чаще прибегать к практике привлечения представителей местной знати к управлению (АКАК, 1873. Т. 3. С.219). Следует отметить, что сложившаяся на первом этапе колонизации Кавказа система институтов государственно-административного управления выглядела весьма несовершенной. Формально она повторяла российскую (наместничество, губерния), но уже тогда начинала формироваться система специфических административных и судебных учреждений по управлению кавказскими народами (Блиева З.М., 2005. С. 319). Сочетание военной и гражданской форм управления на Кавказе страдало изъянами, неизбежными при смещении функций властей: несогласованность отдельных звеньев военно-административного аппарата, отсутствие координации действий. Военные и гражданские чины «тянули одеяло на себя», что приводило к бесконечным конфликтам (Кобахидзе Е.И., 2008. С. 154). Для урегулирования этой проблемы правительство направило в Георгиевск ген.-м. Вердеревского. Итогом инспекционной работы стало издание постановления Комитета министров о подчинении гражданских властей военным. Кавказская губерния перешла в ведомство главноуправляющего Грузией (Бентковский И.В., 1877. № 16, 18). Победоносно завершив российско-персидскую (1804–1813 гг.) и российско-османскую (1806–1812 гг.) войны, Петербург получил наконец возможность заняться делами Кавказа вплотную. Активным проводником нового курса российского правительства на покорение Кавказа стал А.П. Ермолов. В 1816 г. на должность главноуправляющего Грузией вступил А.П. Ермолов. Он получил от Александра I огромные полномочия, позволявшие ему самостоятельно формировать кавказскую политику (Кобахидзе Е.И., 2008. С. 156). Своё видение организации управления Кавказом ген. Ермолов изложил в специальной «Записке» императору. По распоряжению императора А.П. Ермолов разработал план административного переустройства губернии. Так, предложенный ген. А.П. Ермоловым проект волостного управления в Осетии был также нацелен на создание в регионе административных форм, адекватных общероссийским (Материалы, 1942. Т. II. С. 271). После поездки на Кавказ группы сенаторов и дебатов в Сибирском комитете был опубликован указ Правительствующего Сената от 24 июля 1822 г. об изменении кавказской административной системы (История Востока, 2004. Т. 4. Кн. 1. С. 148).

Кавказская губерния переименовывалась в область, количество уездов сокращалось до четырех (Александровский уезд упразднился). Ставрополь получил статус губернского города. Гражданского губернатора сменил начальник области (эта должность поручалась командующему войсками на Кавказе). Городская и земская полиция в Кизляре и Моздоке перешли в подчинение военным властям. Гражданское судопроизводство осуществлялось самими местными народами в соответствии с нормами их права (под наблюдением российских чиновников), уголовные дела из упраздненного Верхнего Моздокского суда передавались в военный суд (История Востока, 2004. Т. 4. Кн. 1. С. 148). В 1828 г., по аналогии с Временным кабардинским судом, для осетин и ингушей был учрежден Владикавказский инородный суд. Кроме того, в том же году аналогичный судебный орган был введен и у чеченцев (Российский Северный Кавказ, 2012. С. 42). Таким образом, российские власти, в конце концов, официально закрепили приоритет военного управления над гражданским.

В районах, населенных мусульманами, А.П. Ермолов заменял местных правителей русскими чиновниками, ханства переименовывал в округа и приставства, вводил в административном порядке российскую систему управления. Многие владетели считали подобные действия грубым попранием их традиционных обычаев и жизненного уклада.

Необходимо указать, что кавказская администрация предпринимала энергичные шаги по колонизации региона казаками и русскими крестьянами-переселенцами. В послании главнокомандующего на Кавказе А.П. Ермолова от 11 марта 1821 г. императору Александру I предлагалось переселить поближе к Кавказской линии казаков из тыловых станиц, а также причислить в казачье звание ряд крестьянских селений. План А.П. Ермолова был принят в Петербурге 11 декабря 1821 г. Помимо переселения казаков, главнокомандующий на Кавказе просил правительство с целью увеличения русского населения в крае назначать в российские войска на Кавказе женатых рекрутов, а также жен тех солдат, которые несли службу в регионе. Это пожелание А.П. Ермолова также было удовлетворено предписанием правительства от 9 февраля 1821 г. (*Кидирниязов Д.С.*, 2013. С. 113).

Следует отметить, что наряду с казачьей и крестьянской колонизацией в северокавказский регион прибывали и государственные крестьяне из внутренних губерний России и Украины. Они размещались как на Кавказской линии, так и в Черномории. Необходимо указать, что в Черноморию в основном переселялись из Черниговской и Полтавской губерний. Процесс переезда крестьян начался в 1821 г. и завершился в 1826 г. За этот период число крестьян-переселенцев достигло более 48 тысяч, и были они поселены в 17 новых и 37 старых населенных пунктах (*Бентковский И.В.*, 1880. С. 104–106). Российские власти видели решение многих проблем в расширении и укреплении казачьей военизированной прослойки в регионе. На кавказское казачество возлагались надежды как на опору российской государственности и гаранта стабильности в сложном пограничном регионе (*Клычников Ю.Ю.*, 2002. С. 187). При А.П. Ермолове был разработан проект организации так называемого чеченского народного суда с выборными членами (из пяти представителей знати и духовенства). В состав суда вводились российские офицеры в должности председателя и секретаря. Наряду со своими непосредственными функциями суд был обязан собирать сведения о податях и повинностях и выдавать билеты для проезда через Кавказскую линию (*История Чечни*, 2008. Т. 1. С. 484–485). С началом Кавказской войны административное строительство в Чечне было парализовано на несколько десятилетий. Российскому правительству было нелегко вырабатывать единые принципы политики в регионе. Весьма затруднял действия российского правительства крайне неоднородный уровень социального развития местных народов и форм их политического устройства (от так называемых «вольных обществ» до вполне зрелых феодальных образований типа ханств или княжеских уделов). Дополняли эту сложную картину и различия обстоятельств и условий присоединения северокавказских народов к России. Однако верховная власть нечасто прибегала к практике дифференцированного подхода. А.П. Ермолов с первого дня осуществлял жесткий курс, прагматизм которого основывался на тактических установках. В 1812 г. российскую власть признало шамхальство Тарковское, в 1823 г. дербентскому коменданту подчинились табасаранские правители (они приняли российское подданство в 1791 г.). Мехтулинское ханство присоединилось к империи в 1821 г., отныне управлялось с участием русского штабного офицера. Кюринско-Казикумухское ханство, вошедшее в состав России в 1812 г., просуществовало в прежнем виде до 1860-х гг. Аварское ханство, принявшее российское подданство в 1801 г., постоянно раздирали распри, и в ходе Кавказской войны оно оказалось под властью Шамиля (*История*, 1988. С. 112–114). Уже после отставки А.П. Ермолова, при очередном главноуправляющем И.Ф. Паскевиче, в 1828 г., началась разработка основ судопроизводства для Осетии. В состав суда должны были войти «почтеннейшие владельцы» из осетин и старшины от назрановских ингушей, а возглавить его должен был владикавказский комендант или назначенный властями российский офицер (*Кобахидзе Е.И.*, 2008. С. 159). Ингуши отказались от участия в работе Владикавказского суда, ссылаясь на различие норм обычного права, и просили учредить для них свой суд под руководством пристава.

Начавшаяся Кавказская война отодвинула идею замены военной власти гражданской на годы. В 1827 г. вышло в свет «Учреждение для управления Кавказской областью», в основу которого лег один из проектов, разработанных Сибирским комитетом. Это было первое положение, регламентировавшее все уровни системы управления Кавказом (*Кобахидзе Е.И.*, 2008. С. 159).

Бывшая Кавказская губерния превращалась в область и подпадала под единое с Грузией управление. Канцелярия располагалась в Тифлисе, откуда осуществлялось руководство областью. Главноуправляющий наделялся военными, административными, хозяйственными, финансовыми и судебными полномочиями. Следующая ступень управления – областное правление, размещенное в Ставрополе. Начальник области одновременно командовал войсками Кавказской линии. В его

функции входило сохранение внешней безопасности, благоустройства казаков и кавказских жителей (в том числе и «залинейных»), учреждение карантинных пунктов (Кобахидзе Е.И., 2008. С. 159).

Характерной особенностью созданного к концу первой трети XIX в. управленческого аппарата было наделение властей правами и обязанностями гражданской администрации (помимо совмещения гражданских и военных функций главноуправляющим и начальником Кавказской области, все окружные начальники являлись военными чиновниками) (Блиева З.М., 2005. С. 321).

Область делилась на 4 округа (Ставропольский, Георгиевский, Кизлярский и Моздокский), во главе каждого стоял окружной начальник, одновременно являвшийся военным комендантом. Ему предписывалось следить за соблюдением карантинных пунктов, контролировать транзитный проезд и выдавать подорожные паспорта.

Шестая глава «Учреждения» целиком посвящалась «внешним инородцам», состоявшим в ведении линейных воинских командиров. Властям рекомендовалось поощрять переселение «залинейных народов» на внутреннюю сторону Кавказской линии.

Военному суду по-прежнему вменялась обязанность разбирать уголовные дела, обращаясь к гражданским лишь в случае конкретной просьбы о посредничестве (Кидирниязов Д.С., 2013. С. 117).

Главноуправляющий на Кавказе И.Ф. Паскевич считал целесообразным немедленно перенести российскую административную систему на Кавказ, не оглядываясь на местные реалии, в чем пытался убедить императора Николая II (Эсадзе С.С., 1907. Т. 1. С. 180). Необходимо указать, что на каждом этапе политико-административного освоения Северного Кавказа стратегическое направление правительственного курса во многом определяли взгляды конкретных правителей края, которые зачастую придерживались диаметрально разных представлений о способах и формах интеграции региона в имперский организм. В среде высших чиновников в российском правительстве шёл постоянный спор о выборе действенных политических инструментов для организации успешного управления северокавказскими владениями, сродни борьбе англичан и ориенталистов в Великобритании, отстаивающих разные точки зрения на политику в отношении заморских колоний, в частности, Индии. Расхожий взгляд на методы разрешения кавказской проблемы выразил адмирал Серебряков, по мнению которого для покорения Северного Кавказа требовалось сочетание разнородных мер: главными из них он считал силу оружия, водворение русского народонаселения, образование внутреннего порядка, выбор способных и достойных начальников, развитие торговли и промышленности (Гордин Я., 2000. С. 289).

Таким образом, в последней трети XVIII – 20-е гг. XIX века российское правительство практически не предпринимало каких-либо решительных действий в отношении местных народов. Действия русских властей не выходили за рамки внешнего контроля и поощрения торгово-экономических связей местных народов с переселенцами из Центральной России и Украины. Контроль осуществлялся военными властями, активно внедрявшимися в географическое пространство Северного Кавказа, в том числе и Дагестана (строительство крепостей, укрепленных линий, создание новых гарнизонов и мест дислоцирования российской армии).

ЛИТЕРАТУРА

Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (далее – АКАК). Тифлис, 1866. Т. 1. – 816 с. (Рапорт астраханского губернатора Н.А. Бекетова графу Н.И. Панину // Выписка из Кабардинских дел, в Коллегии иностранных дел, от 1762 по 1779-й год. Т.1. С. 82; Извлечение из наставления, данного из Государственной Коллегии иностранных дел определенному по делам Калмык и других Азиатских народов, кол. с. Макарова, 30-го сентября 1800 года. Т. 1. С. 727–731).

АКАК. Тифлис, 1866. Т. 2. – 12 – 38 с. (Всепопданнейший рапорт кн. Цицианова от 28-го января 1803 года, № 3. Т. 2. С. 986–987; Всепопданнейший рапорт кн. Цицианова от 23-го марта 1804 года, № 7 Т. 2. С. 952–954; Предложение кн. Цицианова ген.-м. Султану Менгли-Гирею, от 11-го декабря 1803 года, № 73. Т. 2. С. 994; Предписание гр. Гудовича гр. Иверичу 3-му, от 12 мая 1808 года, № 209. Т. 2. С. 395; Предписание гр. Гудовича полковнику Ахвердову, от 11 июля 1807 года, № 279. Т. 2. С. 669–670; Отношение гр. Гудовича к гр. Румянцеву, от 29 декабря 1807 года, № 293. Т. 2. С. 675–676).

АКАК. Тифлис, 1873. Т. 5. – 1170 с. (Рапорт ген.-м. Дельпоццо ген. Ртищеву, от 11-го марта 1816 года, № 129. – Георгиевск. Т. 5. С. 874–877).

АКАК. Тифлис, 1873. Т. 6. Ч. 1. – 941 с. (Предписание Ермолова ген.-м. Дельпоццо, от 4-го ноября 1816 года, № 301. Т. 6. Ч. 1. С. 685).

АКАК. Тифлис, 1873. Т. 6. Ч. 2. – 950 с. (Извещение ген. Ермолова Кабардинским владельцам, духовенству, узденям и всему народу, от 29-го августа 1822 года. – Екатериноград. Т. 6. Ч. 2. С. 471–472).

АКАК. Тифлис, 1878. Т. 7. – 994 с. (Рапорт ген. Паскевича Правительствующему Сенату, от 5-го июня 1828 года, № 1549. Т. 7. С. 933 – 937).

Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX в. Грозный, 2002. – 528 с.

Бентковский И.В. Кавказская губерния до преобразования в область 1804-1824 гг. // Ставропольские губернские ведомости. 1877. № 16, 18.

Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. Владикавказ, 1992. – 213 с.

Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е гг. XIX в. Владикавказ, 2005. – 378 с.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: В 3-х ч. СПб., 1869. Ч. 1. – 620 с.

Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека: Досоветский период. Махачкала: Дагкнигиздат, 1986. – 246 с.

Гарунова Н.Н. Административная и культурная роль городов-крепостей в политике России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII- первой половине XIX века. Махачкала, 2008. – 304 с.

Гарунова Н.Н., Чекулаев-Братчиков Н.Д. Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке. – 620 с.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 79. Оп. 1. Д. 728.

ГАСК. Ф.249. Оп. 3. Д. 167.

Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX в. Нальчик, 2004. – 489 с.

Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000. – 417 с.

Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – сер. XIX века. Ростов н/Д., 1984. – 159 с.

Город Моздок: Исторический очерк. Владикавказ, 1995. – 143 с.

Ермолов А.П. Записки. М., 1868. Т. 2. С. 127.

Заседателяева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). М., 1974.

Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1932. Т. 4. С. 160, примеч. 4.

История Востока. Т. 4. Кн. 1. М., 2004. – 608 с.

История Дагестана. 2004. Т. 1. М., 2004. – 632 с.

История Кубани. Краснодар, 2005. – 336 с.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. – 653 с.

История Чечни. Т. 1. Грозный, 2008. – 828 с.

Каменский. Обращение осетин в христианство в XVIII в. // Труды Археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. Тифлис, 1887. С. 140–147.

Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI–XIX вв. Махачкала, 2003. – 218 с.

Кидирниязов Д.С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х годов XIX в.). М., 2011. – 456 с.

Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-х гг. XIX в. Махачкала, 2003. – 456 с.

Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. – 494 с.

Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.). Пятигорск, 2006. – 158 с.

Кобахидзе Е.И. Институты власти и управления у осетин (конец XVIII –XIX вв.). Владикавказ, 2008. – 246 с.

Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. – 273 с.

Курмансеитова А.Х. У истоков ногайской книги. Черкесск, 2009. – 216 с.

Материалы по истории осетинского народа: Сб. документов / Сост. В.С. Гальцев. Орджоникидзе, 1942. Т. II. – 320 с.

Очерки истории российского Северного Кавказа второй половины XVI – середины XIX века. Славянск-на-Кубани, 2010. – 203 с.

- Попко И.Д.* Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1: Гребенское войско. СПб., 1880. – 416 с.
- Потто В.А.* Два века Терского казачества (1577-1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. –273 с.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 1. 1781 г. Л. 38–40.
- Челобитная подполковника Д.В. Тоганова Екатерине II с просьбой об увольнении его из действительной службы и назначении кр. Моздок.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 52. Оп. 194/1. Ч. 2. Д. 366.
- Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона / Т.П. Хлынина, Е.Ф. Кринко, А.Т. Урушадзе. Ростов н/Д., 2012. – 372 с.
- Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сб. документов. Т. 1. Орджоникидзе, 1976. Т.1. – 423 с.
- Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. – 460 с.
- Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Пятигорск, 2010. – 317 с.
- Чекменев С.А.* К вопросу о присоединении Северного Кавказа к России в конце XVIII века // Ученые записки. Т. 13. (обществ. науки). Пятигорский пединститут. Пятигорск, 1956. С. 317–352.
- Фадеев А.В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960. – 398 с.
- Эсадзе С.С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1. – 367 с.

